

как образование молодежи, социальное обслуживание, жилищная политика, сохраняются существенный государственный контроль и регулирование. Незначительная часть программ, например, поддержка студентов, собственного бизнеса и занятости молодежи, финансируется за счет государственных грантов. Разные авторы преимущественно утверждают, что в стране остается мощным политическое движение за сохранение универсальности социальных программ и высокого уровня расходов на базовые государственные программы. Но тенденцией последнего десятилетия можно считать приобретение адресной социальной помощи молодежи, развитие волонтерства¹⁵.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что с развитием демократических процессов отношение государства к молодому поколению приобретает принципиально новые признаки и превращается в коммуникацию как единство двух равных субъектов. При этом повышению эффективности реализации молодежной политики способствуют многие факторы, такие как децентрализация государственного управления, развитие механизмов взаимодействия и партнерства субъектов: это и государство, и социально-политические общества, и бизнес-структуры.

Примечания

- ¹ См.: *Тараканов П. В.* Молодежь как объект и социальный субъект политического процесса // *Общество и безопасность : перспективы эволюции, современное*

состояние : сб. науч. ст. / под ред. Н. П. Шебанова. Саратов : Научная книга, 2006. С. 124.

- ² См.: *Лупандин В. Н.* Социология молодежи : учеб. пособие. Орел : Изд-во Орлов. гос. техн. ун-та, 2011. С. 136.
- ³ Там же. С. 138–140.
- ⁴ См.: *Калинина З. Н., Орехова Е. Я., Полунина Л. Н.* История и современное состояние молодежной политики за рубежом : учебник. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. С. 257.
- ⁵ См.: *Социальная работа с молодежью : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Басова.* М. : Дашков и К^о, 2009. С. 271.
- ⁶ См.: *Филиппов В.* Социальный потенциал молодежи как предмет социологического анализа // *Ученые записки.* 2007. № 4. С. 52.
- ⁷ См.: *Государственная молодежная политика : российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под ред. В. А. Лукова.* М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 264.
- ⁸ См.: *Социальная работа с молодежью.* С. 272.
- ⁹ См.: *Исаев Э. Ш., Петренко Д. А.* Молодежь как особая общественная группа в социальной структуре общества Германии // *Независимая газ.* 2006. № 3.
- ¹⁰ См.: *Чеблукова А. А., Чеблукова Т. А.* Молодежь Германии в зеркале исследования трендов и социальных опросов. М. : Альянс-пресс, 2005. С. 54.
- ¹¹ См.: *Смирнов С. Н., Сидорина Т. Ю.* Социальная политика : учеб. пособие. М. : ГУ-ВШЭ, 2004. С. 113.
- ¹² См.: *Социальная работа с молодежью.* С. 269.
- ¹³ См.: *Государственная молодежная политика...* С. 270.
- ¹⁴ См.: *Социальная работа с молодежью.* С. 229.
- ¹⁵ См.: *Леонов Ю. С.* Молодежная политика : зарубежный и отечественный опыт // *Аналитический вестн. Совета Федерации ФС РФ.* 2007. № 4 (321). С. 31–42.

УДК 314.554

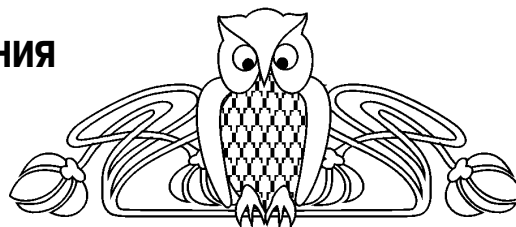
БРАК И РАЗВОД В РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

А. Б. Синельников, О. В. Дорохина¹

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

¹ Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва
E-mail: sinelka@mail.ru, odorokhina@yandex.ru

Статья посвящена изменениям российского семейного законодательства и ценностей семейного образа жизни в XX в. Законы Российской империи предусматривали много ограничений на заключение и особенно на расторжение брака. Эти законы, т. е. формальные социальные нормы, остались неизменными на протяжении жизни многих поколений, но на рубеже XIX и XX вв. изменились моральные, т. е. неформальные нормы. Часть интеллигенции требовала радикального изменения законов о семье: полной свободы развода, равноправия для детей, рожденных вне брака, и т. п. Эти требования осуществили большевики, которые радикально изменили семейное законодательство и ценности

семейного образа жизни, что усилило кризис семьи, который продолжается и в наше время.

Ключевые слова: семейное законодательство, законные причины для развода, внебрачные рождения, либерализация семейного законодательства, кризис семьи, ценности семейного образа жизни.

Marriage and Divorce in Russia in the View of Formal and Informal Social Regulations

A. B. Sinelnikov, O. V. Dorokhina

The article is devoted to the changes in Russian matrimonial law and the values of family lifestyle in the twentieth century. Legislation of the Russian Empire contained many restrictions on the right to marry and especially to divorce. These laws (i.e. formal social norms) remained

intact for centuries, however moral standards of society (i.e. informal social norms) significantly changed on the threshold of the twentieth century. Some of Russian intellectuals demanded radical changes in the marriage and family law regulations, in particular absolute freedom to divorce and equal rights for children born out of wedlock. These demands were realized after the October revolution of 1917. Bolsheviks radically changed both the matrimonial and family law and the values of family lifestyle. These reforms intensified the family crisis which continues in Russia nowadays.

Key words: matrimonial and family law, legal grounds for divorce, illegitimate births, liberalization of family legislation, family crisis, values of family lifestyle.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-21-28

Дореволюционный период. В Российской империи лица любых признанных государством вероисповеданий имели право заключать и расторгать браки по своим религиозным законам, которые почти не менялись в течение веков. В начале XX в. они уже не соответствовали неформальным социальным нормам, т. е. существующим в обществе представлениям о том, какими должны быть брачно-семейные отношения.

Противоречие могло бы быть разрешено в случае передачи данных вопросов в сферу гражданского законодательства, которое более восприимчиво к изменению настроений в обществе и меняется чаще, чем религиозное. Однако гражданские законы регулировали лишь некоторые вопросы, например минимальный брачный возраст (у жениха – 18 лет, у невесты – 16). Для брака до достижения полного совершеннолетия (21 год) требовалось согласие родителей. Не разрешалось вступать в брак отстающим студентам до пересдачи экзаменов, а солдатам – до окончания службы.

Православные миряне могли сочетаться браком не более трех раз, а вдовым священникам не дозволялось вступать даже во второй брак. Для православных был установлен и максимальный брачный возраст – 60 лет. Для мужчин по особому ходатайству он мог быть повышен, но не более чем до 80 лет. Православным и католикам запрещалось вступать в брак с нехристианами. Имели место и другие ограничения на вступление в брак.

Еще труднее было развестись. У православных это допускалось лишь в следующих случаях: 1) неспособность к брачному сожитию, если она возникла до брака, т. е. жена должна была доказать, что она все еще девственница; 2) двоеженство и двоемужество; 3) доказанное прелюбодеяние; 4) безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти и более лет; 5) осуждение мужа или жены к наказанию, связанному с «лишением всех прав состояния» (в том числе и права на состояние в браке); 6) переход одного из супругов в другое вероисповедание; 7) пострижение обоих супругов в монашество.

Мусульмане и иудеи признавали и по сей день признают иные основания для развода, в

том числе неготовность мужа материально обеспечивать семью, а также бездетность. У иудеев, кроме того, брак может быть расторгнут из-за частых скандалов между супругами. В Талмуде указано, что лучше скитаться в безводной пустыне, чем жить со сварливой женой.

Однако такие «преимущества» имели значение лишь для тех представителей данных религий, которые хотели разрушить свои или чужие семьи. Среди желающих сохранить семью, которые тогда составляли подавляющее большинство в населении всех вероисповеданий, в преимущественном положении находились как раз православные в силу своих более строгих законов.

Еще строже эти законы у католиков. У них развод вообще запрещен. Допускается лишь аннулирование, т. е. признание недействительности брака, из-за нарушений правил его заключения, например, при вступлении в брак по принуждению или с помощью обмана. Неверность и другие нарушения правил поведения в самом браке – уже не основания для его аннулирования.

У православных же в большинстве случаев развода его причиной была неверность. Церковные суды соблюдали презумпцию невиновности. Доказательством могло быть лишь признание своей вины самим супругом либо показания двух и более свидетелей, видевших самый акт прелюбодеяния. Оно считалось точно установленным, если показания всех свидетелей (а их допрашивали порознь) совпадали во всех деталях. При таких строгих правилах в подавляющем большинстве случаев доказать ничего не удавалось.

В романе Льва Толстого «Анна Каренина» описан конфликт между формальными и неформальными социальными нормами, т. е. между законом и моралью. Каренин, когда Анна призналась ему в своей связи с Вронским, оказался в очень затруднительном положении. В «приличном обществе», к которому он принадлежал, считалось, что мужья, доказывающие в суде прелюбодеяния своих жен с помощью показаний лакеев или горничных, ведут себя по-мужски. Благородный человек не должен был так поступать, даже если у него были свидетели. А у Каренина их вообще не было.

С точки зрения закона, т. е. формальной нормы, решением вопроса могло бы стать и признание самой Анны. Но неформальная норма не позволяла ей признаться перед церковным судом в том, о чем она рассказала мужу. Это навсегда опозорило бы ее. Кроме того, в качестве наказания за прелюбодеяние ей запретили бы вновь выйти замуж – не только за Вронского, но и за любого другого. Каренин же, в отличие от современной ситуации, мог бы оставить сына у себя после развода и не отдавать его «преступной» матери.

Поэтому адвокат и предлагал Каренину взять на себя вину в прелюбодеянии, которого не совершал, и таким образом добиться развода. Но

тогда Анна могла бы выйти за Вронского и забрать сына, а Каренину навсегда запретили бы вновь жениться. Правда, духовные власти проявляли снисхождение и разрешали раскаявшимся грешникам и грешницам вступать в повторный брак после семилетней эпитимьи (покаяния и духовного исправления). Но это – очень уж долгий срок, тем более для человека в его возрасте.

Однако другие мужья нередко шли на «саморазоблачение». При «двойной морали» оно было прощательным для мужчин, но не для женщин. Можно было тайно изменять мужу, но нельзя было публично в этом признаваться. Далеко не всегда мужья поступали так, чтобы спасти жен от позора. Многие брали вину на себя, так как желали любым способом расторгнуть брак с опротивевшим супругом, даже если никто никому не изменял. Другие же сознавались в прелюбодеянии, которого с их стороны не было, чтобы получить большую сумму от любовника своей жены.

Известен случай, когда жена ушла от мужа, но так и не нашла другого мужчину, который стал бы содержать ее. Ей пришлось поступить в дом терпимости. Однако муж не смог получить развод. «Желтый билет» (лицензия на занятие проституцией) не считался (!) доказательством прелюбодеяния.

Адвокаты находили способы добиваться развода, в том числе и при помощи лжесвидетелей. Но их услуги были доступны только богатым людям. О разводах как о явлении, широко распространенном в узком кругу элиты, упоминали, помимо Толстого, и другие писатели, а также авторы мемуаров.

Юридические ограничения не мешали фактическому распаду семей. Люди, которым запрещалось вступать в брак, создавали семьи без венчания. Как и сейчас, их отношения назывались «гражданским браком». Но тогда это было альтернативой церковному браку, а сейчас – браку, зарегистрированному в отделе записи актов *гражданского* состояния (ЗАГС). С логической точки зрения, гражданским является загсовский брак. В народе же «гражданским браком» считается сожитительство, не зарегистрированное в ЗАГСе.

До революции дети невенчаных пар, как и все дети незамужних матерей, считались «незаконнорожденными». Когда жена не получила развод, но ушла к другому мужчине и родила от него, отцом ребенка считался ее муж. Ребенок носил его фамилию. После смерти «законного отца», «вдова» и «сирота» наследовали его имущество и получали пенсию по потере кормильца.

Если же фактический отец внебрачного ребенка разрывал отношения с его матерью, то она не могла требовать ни установления отцовства по суду, ни материального обеспечения ребенка с его стороны.

В 1903 г. был издан двухтомник философа и публициста Василия Розанова «Семейный вопрос

в России». Через век, в 2004 г., она вновь вышла в свет, но уже в одном томе. Розанов требовал уравнения в правах «незаконных» детей с «законными», передачи бракоразводных дел гражданским судам, признания уважительными любых причин развода, на которые ссылается его инициатор. Автор был убежден, что брак может быть основан лишь на взаимной страстной любви, а супруг, у которого это чувство угасло или обратилось на кого-то еще, имеет право на развод, даже если другой супруг ни в чем не виноват.

В книгу вошли также письма и статьи многих людей, включая и ранее опубликованные в разных журналах и газетах. Одни из них были согласны с автором, другие указывали на то, что его предложения противоречат самой идее брака как пожизненного союза супругов с целью рождения и воспитания детей.

«Мать семейства», подписывавшая свои письма, как Ю. Б-на, обратила внимание на причины неверности жен и на положение их детей: «Семья есть краеугольный камень всякого общества, и потому в основе ее должен лежать долг, а не удовольствие, и очистить семейный очаг можно никак не облегчением разводов, а только строго нравственным воспитанием подрастающего поколения в обширном смысле этого слова. Чтобы дети наши не смотрели на брак как на игрушку, которая хороша до тех пор, пока забавна. Чтобы женщины будущего требовали от мужей только честного и хорошего отношения к себе и детям, но не вечного флирта, что теперь требуют из них девять десятых, в случае же отказа – сейчас начинается флирт с третьим лицом, а это уже есть начало распада семьи, как бы он ни был невинен. Никто не может оспаривать того, что дети, по крайней мере, до школьного возраста должны быть при матери, но они не куклы, которых она может возить с собой из одной квартиры в другую, независимо от того, кто хозяин квартиры. Кроме редких исключений, когда дело касается положительных негодяев, всегда отец для своих детей лучше своего преемника в любви их матери <...> Что же это будет за строй общества, в котором матери семейств будут выходить замуж по три, по четыре раза от живых мужей, а это может оказаться возможным при большой легкости развода. В чем же будет тогда разница между порядочными женщинами и непорядочными?»¹

Ю. Б-на имела в виду случаи, когда жена уходит от нелюбимого мужа к любимому человеку, хотя никто не знает, сколько продлится эта любовь. Нередко за покинутыми мужьями нет никакой вины. Они любят жен и детей, заботятся о них, страдают от разлуки с ними. Да и способны ли люди, которые разрушили чужие семьи, заменить родных отцов детям своих подруг?

До сих пор популярно мнение о том, что если мужчина любит женщину, то полюбит и ее ребенка. Даже если это и правда, то, когда его

чувства к ней остынут, ее ребенок станет ему чужим. Родной же отец, как правило, любит своих детей независимо от характера отношений с их матерью. Конечно, если он эгоист, то способен ради новой любви бросить жену и детей. Если же она потом найдет себе нового мужа, то, возможно, что он, как отчим, для детей будет лучше такого отца². Это не так уж трудно. Но тогда, по мнению Ю. Б-ной, лишь немногие отцы были «положительными негодяями».

В высших классах общества моральные нормы оправдывали уход мужа от жены ради новой любви, но все-таки осуждали отца, который после этого не заботился о своих детях. Это относилось лишь к «законным» детям. Если служанка оказывалась беременной от хозяина, то ей давали какую-то сумму, на которую долго не проживешь, и выгоняли из дома.

Книга Розанова отражала, главным образом, мнение интеллигентов, писавших много писем и статей, что было их любимым занятием. Они требовали радикальной реформы брачного законодательства. Некоторые юристы предлагали упростить процедуру развода, разрешить установление отцовства в отношении внебрачных детей, обязать отцов обеспечивать их.

Позиция церкви по вопросам развода. В принятых Архиерейским Собором 2000 г. «Основных социальной концепции Русской Православной Церкви» указано, что церковная позиция по данному вопросу в XX в. все же изменилась: «В 1918 г. Поместный Собор Российской Православной Церкви в “Определении о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью” признал в качестве таковых, кроме прелюбодействия и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим... В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборт при несогласии мужа... Если распад брака является свершившимся фактом – особенно при раздельном проживании супругов, – а восстановление семьи не признается возможным, по пастырскому снисхождению также допускается церковный развод»³.

При расширении перечня оснований для развода церковное законодательство в какой-то

мере сближается с гражданским. Однако церковь все же включает в этот список только самые грубые нарушения правил поведения в семье и некоторые другие обстоятельства, которые делают брачную жизнь невозможной. Просить церковный суд о разводе может лишь тот супруг, который сам не нарушал этих правил, и не на том основании, что «любовь прошла».

Однако советская власть признала это основание, навязывая всему обществу (прежде всего рабочим и крестьянам) моральные нормы, существовавшие тогда среди дворянства, буржуазии и «буржуазной интеллигенции», т. е. тех социальных групп, которые она считала своими врагами.

Семья и прогресс. До 1917 г. законы не менялись, но практика их применения смягчалась, а число разводов росло, и не только в высших, но и в средних слоях общества. Однако для радикально настроенных людей этого было мало. Они вообще не признавали семью, основанную на пожизненном браке, супружеских и родительских обязанностях, рождении и воспитании детей, отношениях собственности и наследования, а также на «отупляющем» ведении домашнего хозяйства. Эти люди верили, что на смену такой «семье прошлого» придет «семья будущего», основанная лишь на страстной любви.

Известный социолог Питирим Сорокин в молодости придерживался радикальных взглядов и считал семью препятствием для прогресса. В его статье «Кризис современной семьи» (1916 г.) предсказано, что «организация современной семьи будет разбита: общественные интересы с одной стороны, а интересы личности (обратная сторона общечеловечности) – с другой, победят и фактически уже побеждают»⁴.

Те, кто считают, что родители учат детей заботиться только о себе и членах семьи, но не о чужих (об этом писал и Сорокин в той же статье), не понимают, что люди, утратившие семейные связи, заботятся вовсе не о благе общества. Почти все они думают лишь о себе. Многие из них рассматривают родителей как людей, ограничивающих их свободу, не хотят вступать в брак и иметь детей, чтобы эту свободу не терять, а ко всем другим относятся безразлично, настороженно, а то и враждебно по принципу «человек человеку – волк». Это – не прогрессивный лозунг, а закон джунглей.

Сторонники такого «прогресса» оправдывают как мужа, бросившего семью ради любимой женщины, так и жену, которая выставила за дверь любящего и заботливого, но нелюбимого супруга, привела в дом чужого человека и заставляет детей называть его папой. Они не понимают, что так поступать могут только закоренелые эгоисты, которые не обращают внимания на переживания своих детей и покинутых супругов. Люди, считающие, что угасание страстной любви дает моральное право на развод, смотрят на проблему с точки зрения разлюбивших, а не «разлюбленных» супругов.

Первые годы Советской власти. 18 декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», который отменил все ограничения на вступление в брак, кроме минимального брачного возраста и запрета на двоебрачие, а также уравнивал в правах «незаконных» детей с «законными». Это имело позитивное значение. Но «презумпция виновности женщин», которые до революции не имели права чего-либо требовать от отцов своих внебрачных детей, сменилась «презумпцией виновности мужчин». При установлении отцовства советские суды почти всегда принимали сторону матерей. Как это часто бывает в России, маятник качнулся из одной крайности в другую.

Статья 144 принятого в 1918 г. «Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве», гласила: «...если суд при рассмотрении вопроса (об отцовстве. – *Авт.*) установит, что лицо, указанное в статье 141 (ответчик. – *Авт.*), в момент зачатия хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех них обязанность участвовать в расходах (в уплате алиментов. – *Авт.*)...»⁵

В 1926 г. был принят второй советский Кодекс законов о браке, семье и опеке. Он приравнивал незарегистрированные браки к зарегистрированным, упразднил «многоотцовство», но сохранил принцип полного доверия к матери внебрачного ребенка. Регистрируя его рождение в ЗАГСе, она указывала адрес и место работы предполагаемого отца, и ей сразу же начинали перечислять алименты – 1/3 его зарплаты. Неважно, жил ли он вместе с ней в незарегистрированном браке или у них, по ее же словам, была лишь одна встреча интимного характера. Если он отказывался признать ребенка, то должен был подавать в суд иск об оспаривании отцовства, как будто мать ребенка была его законной женой. Об этом в 1926 г. писал Маяковский в сатирической поэме «Любовь»:

Он рад умереть,
экономя треть,
три года судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще кастрат⁶.

В одном судебном решении было указано: «...хотя истица и не доказала своего иска, но, учитывая ее забитость и тупоумие, ответчик должен быть признан отцом ребенка»⁷. Такая судебная практика была признана правильной в инструктивном письме Верховного Суда РСФСР от 11 июня 1929 г., согласно которому «отказ в иске на том основании, что истица иск не доказала, совершенно недопустим»⁸.

Государственная Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР постановила: «...отказать в иске юридически неосведомленной, безграмотной беднячке в нарушении интересов детей по мотивам, что истица ничем иска своего не доказала, – неправильно и, с точки зрения советского суда, не допустимо».

Согласно Кодексу 1918 г., при несогласии одного из супругов брак мог быть расторгнут лишь судом, но эти иски всегда удовлетворялись. Кодекс 1926 г. разрешил развод прямо в ЗАГСе не только по обоюдной просьбе супругов, как это было и раньше, но и по заявлению одного из них, в отсутствие и даже без ведома другого. Читатели «Двенадцати стульев» знают, что Остап Бендер получил по почте извещение, что его брак с гражданкой Грицацовой расторгнут по ее заявлению и ему возвращена его добрачная фамилия.

Сталинский период. Если в 1920-х гг. большевистская власть продолжала борьбу против традиционной семьи, то в 1930–1940-х гг. маятник семейной (и не только семейной) политики качнулся в сторону ужесточения. В 1936 г. было отменено право на аборт, предоставленное женщинам в 1920 г. Хотя аборт больше не приравнивался к детоубийству, как это было до революции, но он допускался лишь по медицинским показаниям. Для расторжения брака требовалось, чтобы оба супруга явились в ЗАГС. Во избежание сокрытия фактов развода стали ставить штамп о нем в паспорт, как это было до 1917 г.

Еще В. Розанов, отвечая на замечания Ю. Б-ной, писал: «Трудно представить себе мужчину, который, увидав в паспорте прописку о трех мужьях, захотел бы вписаться к ним четвертым». На это Ю. Б-на парировала: «Мой оппонент напрасно думает, что кто-либо из мужчин остановится перед тем, чтоб быть вписанным четвертым мужем. Я уверена, что эта арифметика не устроит ни тот, ни другой пол. Нельзя нам, при нашем нравственном неярестве, давать право легкого развода, как нельзя давать ребенку огня в руки»⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (впервые опубликован в газете «Известия» 9 июля 1944 г., № 162, с. 1–3) (его часто называют «Указом о браке и семье», поскольку он касался также и других сторон семейной жизни) отчасти восстановил дореволюционные порядки, признавая лишь зарегистрированные браки, защищая, по сути, интересы только «законных» детей и затрудняя развод. В свидетельстве о рождении ребенка у незамужней женщины в графе «отец» ставился прочерк, который считался в обществе позорным. Уста-

новление отцовства по суду не допускалось, алименты на внебрачных детей не взыскивались. Отец мог признать ребенка своим лишь после брака с его матерью.

Брак же мог быть расторгнут только судом. Супруг-истец должен был подать в районный или городской суд заявление о разводе, указать его причины, вызвать в суд другого супруга как ответчика. В местной газете публиковалось объявление о предстоящем процессе. Такие дела слушались в залах, полных публики, чтобы «пристыдить» разводящихся. Судьи были обязаны принять все меры по их примирению и дать им время на размышления. Если истец и после этого не отзывал иск, то дело передавалось в вышестоящий суд (как правило, областной), который вновь пытался примирить пару и расторгал брак лишь тогда, когда признавал восстановление семьи невозможным.

Развод стал мешать продвижению по службе, особенно у военных, а также у партийных работников. Разведенные считались «морально неустойчивыми». Их неохотно посылали в заграничные командировки, особенно в капиталистические страны. Это касалось почти исключительно мужей. Независимо от того, кто был инициатором и (или) виновником развода, жены практически всегда считались его «жертвами». Даже при консервативном сдвиге законодательства сохранилась «презумпция виновности мужчин».

Эпохи оттепели, застоя и перестройки. После смерти Сталина, в связи с общей либерализацией, стало меняться и законодательство о браке и семье. В 1955 г. были разрешены аборт по желанию женщин, а не только по врачебным показаниям. В 1965 г. отменили публикации о бракоразводных процессах, а право принимать решение о разводе предоставили районным и городским судам без передачи дела в вышестоящую инстанцию. В 1969 г. был принят Кодекс законов о браке и семье, который предусматривал как установление отцовства по суду, так и его добровольное признание по совместному заявлению отца и матери, не состоящих в браке друг с другом, а также взыскание алиментов на детей, рожденных вне брака. При взаимном согласии супругов, не имеющих общих детей до 18 лет, стал возможен развод прямо в ЗАГСе. В годы перестройки разводы перестали препятствовать карьере мужчин.

Постсоветское время. Ныне действующий Семейный кодекс был принят в 1995 г. и в дальнейшем в него вносились поправки (Семейный кодекс Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями на 1 мая 2015 года. М. : Эксмо, 2015 (Серия «Законы и Кодексы»)). Он заметно отличается от кодексов 1918, 1926 и 1969 гг. в отношении установления отцовства (принимаются любые достоверные доказательства, но не голословные заявления матерей), определения размера алиментов, усыновления,

да и по другим вопросам. Но так же, как и 90 лет тому назад, основанием для развода считается просто желание одного из супругов расторгнуть брак, даже если другой ни в чем не виноват. Согласно ст. 23 Кодекса, при обоюдном согласии супругов, «суд расторгает брак без выяснения мотивов развода».

Один из авторов данной статьи (А. Б. Синельников) в 1980-х гг. консультировал пары, подавшие заявление на развод в один из московских ЗАГСов. Мужья и жены, как правило, возлагали вину друг на друга. Нередко было непонятно, кто виновник, но, как правило, не возникало сомнений в том, кто инициатор. Один так упорно требовал развода, что другой был вынужден «согласиться». Мужья, покинутые женами, приходили в ЗАГС с грустным выражением лица, а жены, брошенные мужьями, не всегда сдерживали слезы.

Практика передачи детей после развода только матерям (за редкими исключениями) основана на презумпции виновности мужчин перед женщинами и детьми, которая действует уже почти 100 лет, несмотря на все изменения писаных и неписаных законов.

Последствия либерализации формальных и неформальных социальных норм семейной жизни. Введение новых законов о браке и семье в 1917–1918 гг. отражало существовавшие еще до революции настроения определенных кругов общества, прежде всего интеллигенции. Из этих кругов вышли многие лидеры большевиков. В первый год Советской власти тяжелобольному Розанову, которому оставалось жить считанные месяцы, было уже не до того, что сбылась его заветная мечта. Но ее осуществление привело именно к тем последствиям, о которых предупреждали его оппоненты.

Он полагал, что в условиях свободного заключения и расторжения браков, а также равноправия «законных» и «незаконных» детей, рождение детей вне брака больше не будет считаться за «грех» и матери не будут их убивать, чтобы скрыть свой «позор», как это нередко случалось до революции. Однако детоубийства, совершаемые матерями, не прекратились и в советское время, несмотря на то, что женщины, не желающие иметь ребенка, получили право и на аборт, и на отказ от младенца в роддоме.

При полной доступности развода до сих пор некоторые мужья убивают жен, а жены – мужей, хотя Розанов считал причиной этих преступлений то, что ненавидящие друг друга супруги не могли развестись. Но чтобы избежать такой трагической развязки, надо просто разъехаться, что можно сделать и без развода, если позволяют жилищные и (или) материальные условия. А если разъезд невозможен, то не поможет и развод.

Розанов утверждал, что из-за строгих законов о разводе многие мужья и жены, разлюбившие друг друга, вынуждены жить вместе, что

ведет к неверности. Однако и в наше время есть немало случаев, когда супруги изменяют друг другу, но почему-то не разводятся.

Из примеров, приведенных в книге «Семейный вопрос в России», видно, что в то время многие дети числились «незаконными» из-за того, что их отцы не могли расторгнуть браки с давно покинутыми супругами и жениться на своих новых подругах, от которых были рождены эти дети. Исходя из логики автора, отмена ограничений на разводы должна была свести число подобных случаев практически к нулю. Но повышение числа разводов сопровождалось не снижением, а, напротив, ростом числа внебрачных рождений.

До революции развод был доступен лишь для богатых людей. Как правило, они получали еще в детстве и юности хорошее образование и воспитание. Исключение составляли, главным образом, разбогатевшие нувориши, которые выбились «из грязи в князи». В советское же время развод стал возможен для всех, в том числе и для грубых и плохо воспитанных людей. Из-за этого резко возросло как число разводов, так и число «положительных негодяев», которые не заботились о своих детях, что и привело к «алиментной эпидемии» 1920-х гг. И в наше время безответственное отцовство – это массовое явление¹⁰.

В 1913 г. один развод приходился на 225 браков, в 1926 г. – на семь браков, в 1940 г. – на шесть браков, в 2013 г. – на два брака. В 1906 г. внебрачные дети составляли 2% среди новорожденных, а в 2013 г. – 23%¹¹.

Если общество признает высшей ценностью семейного образа жизни страстную любовь и считает ее единственно возможной основой для брака, то ее угасание рассматривается как уважительная причина для развода. В таком обществе и разводы, и неверность, и внебрачные сожительства, и рождение детей вне брака рассматриваются как *нормальные* явления, порожденные страстной любовью или, напротив, ее угасанием. Поэтому они приобретают массовый характер.

Кризис семьи был вызван не законами, хотя они, конечно, нуждались в существенном реформировании, а изменением моральных норм. Когда из-за деформации морали изменились и законы, кризис принял еще большие масштабы и еще худшие формы, в которых он продолжается до сих пор.

По данным опроса, проведенного в 2012 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ, 31% среди 1500 респондентов считают основанием для развода угасшие чувства, а 34% – новую любовь. Максимальная статистическая погрешность – 3,6%. Респонденты моложе 30 лет разделяют эти мнения чаще, чем в целом по выборке: 40 и 43% соответственно¹². Многие люди признают уважительными обе эти причины.

С точки зрения Розанова, невозможность развода не удерживает опостылевших друг другу супругов от разъезда. В этом он был прав, однако в наше время, напротив, невозможность разъезда нередко удерживает от развода, даже когда отношения безнадежно испорчены.

31 октября и 1 ноября 2009 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел в 140 населенных пунктах на территории 42 субъектов РФ опрос 1600 респондентов о том, по каким причинам россияне готовы сохранить фактически уже распавшийся брак. Самой важной причиной, удерживающей от развода, оказались общие дети – ради них 71% опрошенных сохранили бы семью. Немалое значение имеют также состояние здоровья супруга или супруги – 62%, и еще теплящиеся по отношению к нему (или к ней) чувства – тоже 62%. Как правило, настаивает на разводе тот, кто разлюбил, а другой супруг, у которого это чувство не угасло, все же пытается сохранить семью. Серьезной причиной является и отсутствие отдельной жилплощади, куда можно было бы уйти (43%). Максимальная статистическая погрешность – 3,4%¹³.

Многие бывшие супруги в течение нескольких лет после развода продолжают жить в одной квартире, которая слишком мала для размена. Некоторые из них приводят новых спутников или спутниц жизни в свою часть квартиры. Такое не могло бы присниться Розанову и в самом страшном сне.

Бывает, что жена клеветнически обвиняет бывшего мужа в побоях или в покушении на ее жизнь, чтобы посадить его в тюрьму и завладеть всей квартирой. На почве вынужденного совместного проживания бывшие супруги иногда действительно совершают тяжкие преступления друг против друга.

По данным проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстат) выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 г., среди мужчин от 18 до 60 лет, у которых когда-то распалась семья, только 55% состояли в новом браке, а среди женщин 18–45 лет – лишь 40%¹⁴.

Полная свобода развода не означает, что мужчины и женщины, которые ею пользуются, всегда вступают в новый, более удачный брак. Вероятность распада для повторного брака не меньше, чем для первого. Проблемы те же, что и в первом браке, но к ним нередко добавляются конфликты отчима с детьми жены от первого брака.

Полный запрет развода или слишком узкий перечень оснований для него не способствует соблюдению правил семейной жизни. Один супруг может безнаказанно нарушать их, а другой не имеет права на развод и на новый брак. Не лучше и другая крайность, т. е. неограниченное право на развод. При этом тоже нет смысла соблюдать

правила. Можно идеально вести себя в семье, заботиться о супруге и детях, а он (или она) все равно уйдет, потому что «чувства иссякли» либо обратились на кого-то другого.

Если общество считает нормальным явлением разводы, вызванные угасанием чувств или новой любовью, то ужесточение законов может привести к увеличению числа случаев распада семей de facto без развода de jure и отказов от регистрации брака, а также к повышению частоты сожительства и рождений вне брака. Прежде чем вводить в Семейный кодекс перечень оснований для развода (пусть и намного более широкий, чем до революции), надо воздействовать на неформальные нормы, т. е. на общественное мнение. Эта задача может быть решена с помощью духовенства (как православного, так и других традиционных религий), учебных заведений и средств массовой информации¹⁵.

Примечания

- ¹ Розанов В. В. Собр. соч. : в 30 т. Т. 18. Семейный вопрос в России. М. : Республика, 2004. С. 98. (Впервые опубликовано: *Розанов В. В.* Семейный вопрос в России : в 2 т. СПб., 1903).
- ² См.: *Шевченко И. О.* Отчим в структуре современной российской семьи // *Социология*. 2011. № 2. С. 186–192.
- ³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 36.
- ⁴ *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 1997. № 3. С. 78. (Впервые опубликовано: *Ежемесячный журнал для всех*. 1916. № 2, 3.)
- ⁵ Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1917–1918 гг.* № 76–77 от 22 окт. 1918 г. Отд. первый. Ст. 818.
- ⁶ *Маяковский В. В.* Любовь // *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 147.
- ⁷ *Иодковский А., Роднянский А.* Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1931. С. 29.
- ⁸ Цит. по: *Бененсон С. Д.* Права матери и ребенка (установление отцовства и получение алиментов). М., 1938. С. 17.
- ⁹ Розанов В. В. Указ соч. С. 106.
- ¹⁰ См.: *Стельмахович А.* Дела об алиментах. М., 1926. С. 7 ; *Безрукова О. Н.* Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // *Социс*. 2013. № 11. С. 118–130.
- ¹¹ Рассчитано по: *Население СССР (Численность, состав и движение населения)*. 1973 : стат. сб. М., 1975. С. 150 ; *Урланис Б. Ц.* История одного поколения. М., 1968. С. 75–77 ; *Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г.* М., 1929. С. 38 ; *Естественное движение населения Российской Федерации за 2013 год* : стат. бюлл. М., 2014. Табл. 4 и 19.
- ¹² См.: О разводах // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Опрос «ФОМнибус» 8–9 сентября 2012 г. URL: <http://fom.ru/rabota-i-dom/10769> (дата обращения: 11.01.2015).
- ¹³ См.: Дети, чувства или квартира : ради чего стоит сохранить неудачный брак? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1362 от 13.11.2009.
- ¹⁴ Опрос проведен в сентябре-октябре 2012 г. в 30 субъектах РФ. Число респондентов – 10054 (4910 мужчин и 5144 женщины). Показатели рассчитаны А. Б. Синельниковым по: Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 год. С. 4. (Опубликовано 24.01.2013) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. 2013. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (дата обращения: 17.01.2015). (В число лиц, состоящих или состоявших ранее в браке, включены и те, у кого он не был зарегистрирован. Статистическая погрешность при доверительном уровне 0,99 по этому показателю для мужчин 3,9%, для женщин – 3,3%.)
- ¹⁵ См.: *Карцева Л. В.* Представления студентов и школьников о браке // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки*. 2013. № 3 (31). С. 26–30 ; *Лебедь О. Л., Синельников А. Б.* Образ семьи в российских художественных фильмах // *Социология*. 2013. № 1. С. 18–36.

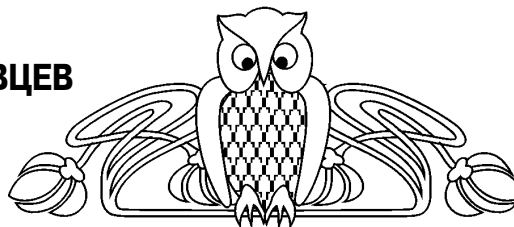
УДК 316.4

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ САРАТОВЦЕВ

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье дается описание и анализ основных тенденций трансформации образовательных стратегий жителей г. Саратова. Доказан рост значимости образования как инструмента достижения желаемого социального и профессионального статуса. В резуль-

тате обозначены направления возможных изменений в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: ценностные ориентации, образование, образовательные стратегии.